

Ю.В. Захарова, докторант Санкт-Петербургского государственного университета

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР И СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЕ ИЛИ ЕДИНСТВО

Прежде чем приступить к систематическому изложению любого предмета, всегда полезно обозначить точку отсчета. Существует много различных точек зрения на природу человека, каждая из которых имеет собственный набор вопросов и ответов. Эти взгляды являются взаимно дополняющими и не противоречащими друг другу. Осознание наличия дополняющих друг друга различных уровней объяснения избавляет нас от бесполезного спора: с какой точки зрения следует рассматривать природу человека – с научной (объективной) или личностной (субъективной). Это не суждение «или-или» и научный, и субъективный подходы важны. Социолог Эндрю Грили пишет, что как бы психология не старалась, все же она не может объяснить цель человеческого существования, смысл жизни человека, конечное его предназначение. Претензии на такое осмысление природы человека часто высказывает философия, в частности, социальная философия, которая добавляет неотъемлемый социальный контекст такому осмыслению. Научное объяснение не должно, по нашему мнению, дискредитировать или заменять философский подход и даже такой чисто интуитивный подход, как литературный. Следуя логике исследования, мы будем придерживаться золотой середины в споре сциентистов и антисциентистов, осознавая междисциплинарный характер, заданный предметом нашего исследования.

Идея политического лидерства является едва ли не самой древней и в то же время одной из важнейших для человеческого общества. В начале третьего тысячелетия наблюдается процесс глобализации, небывалого развития и непрерывного совершенствования средств массовой информации, компьютерных технологий, в первую очередь Интернета. Все это создает реальные предпосылки для широкого распространения знаний, полученных в результате анализа заслуживающих внимания эмпирических данных и основанных на широких теоретических обобщениях сведений

о природе формирования политического лидерства. Ведь в специфических формах оно находило свое проявление в различные исторические эпохи, в условиях существования несходных, порой антагонистических систем государственного и общественного устройства.

В современном российском обществе все больше и распространенней наблюдается интерес к выявлению значимости лидерских факторов в обосновании проблем личности. Личность лидера привлекает исследователей и с точки зрения социальной среды, в которой этот тип человека сформирован. Также с меньшим вниманием исследуются компоненты образования, которые влияют на систему взглядов и характер деятельности лидера.

Проблема политического лидера как научный аспект в отечественной литературе представлена фрагментарно. Единого и общетеоретического знания, которое было бы выстроено в самостоятельное учение, до сих пор нет.

Вполне естественным и не подвергающимся критике является утверждение, что воспитание и образование имеют непосредственное значение для становления лидерских черт личности, проявления и закрепления определенного стиля поведения индивидуума, его основных характеристик. Если еще в средние века политическое лидерство чаще всего напрямую зависело от наследственных факторов, то в наше время ситуация существенно изменилась. В современном обществе практически любой человек, получивший определенное воспитание и образование, имеет возможность стать не только лидером какой-либо группы, партии или коллектива, но и политическим лидером, значимым на международной арене, а не только в собственной стране. В этой связи вполне естественным представляется интерес исследователей к факторам формирования личности лидера, условиям его воспитания и образования.

В обыденном понимании воспитание – это воздействие общества на развивающегося человека. В узком смысле слова воспитание есть планомерное воздействие родителей и школы на воспитанника, т.е. на незрелого человека, сущность которого испытывает потребность и способность к дополнению, а

также стремление к дополнению. Целью воспитания является способствование разворачиванию у воспитанника проявляющихся дарований или сдерживание каких-либо задатков в соответствии с целью («идеал воспитания»). Средством воспитания является, прежде всего, пример, который воспитатель подает воспитаннику, затем – приказ (требование и запрет), убеждение, приучение и обучение. Воспитание распространяется на тело, душу и дух и ставит задачей образование из разворачивающихся задатков и развивающихся способностей гармонически целой личности, а также приобретение вырастающим воспитанником благоприятных для него самого и для общества душевно-духовных установок в отношении других людей, семьи, народа, государства и т. д. При этом идеалы воспитания, выдвигаемые различными влиятельными социальными группами, могут противоречить друг другу.

Рука об руку с воспитанием идет образование. Воспитание со стороны родителей и школы прекращается с утратой авторитета у воспитанника. Дальнейшее воспитание сформировавшегося человека переходит, с одной стороны, к нему самому (самовоспитание), с другой – к совокупности действующих на него в повседневной жизни психических сил, особенно образующихся из многочисленных социальных (профессия) и эмоциональных (честь) отношений, в которые попадает человек.

Систематическое исследование и выявление всех действующих при воспитании факторов составляет задачу науки о воспитании – педагогики. Тогда как образование – это духовный облик человека, который складывается под влиянием моральных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного круга, а также процесс воспитания, самовоспитания, влияния, шлифовки, т.е. процесс формирования облика человека. При этом главным является не объем знаний, а соединение последних с личными качествами, умение самостоятельно распорядиться своими знаниями. В образовании имеется всегда как формальная сторона, т.е. духовная деятельность или духовная способность (рассматриваемая вне зависимости от соответствующего данному времени материала), так

и материальная, т.е. содержание образования. Значение, в котором понятие «образование» употребляется в настоящее время, оно приобрело в XVIII–XIX вв., особенно под влиянием Гёте, Песталоцци и неогуманистов, и означало тогда общий духовный процесс формирования человека в противоположность воспитательной технике сторонников методов просветителей. С этого времени данное понятие приобрело более широкое значение. Обычно говорят об общем образовании, которое дается в школе, и о специальном образовании (напр., научном, музыкальном, техническом). Специальные и профессиональные знания могут рассматриваться как образование в подлинном смысле этого слова только в том случае, если они связаны с общим образованием. Цели образования точно так же, как и требуемый им уровень знания, могут быть различными в зависимости от характера культуры, национальных особенностей, географической и социальной среды и претерпевать исторические изменения (дворянское образование, буржуазное образование, утилитарное, гуманитарное, политическое и др.). Образование как защита от обезличивающих человека сил в демократическом обществе стало вопросом жизни как для отдельных людей, так и для всего общества. Понимание этой проблемы вызывает развитие движения за народное образование.

Политический лидер, таким образом, предстает как продукт системы воспитания и образования и в то же время как субъект, подвергающий критике систему образования. Система же образования по определенной консервативности в апробации собственных методов и достижений дистанцируется от продукции своей деятельности.

Одной из главных трудностей является задача научного определения феномена политического лидерства. При этом продолжают оставаться актуальными вопросы, сформулированные в свое время в обобщающем исследовании Е.В. Кудряшовой, посвященном анализу вклада западных ученых в изучение различных проблем лидерства:

- что такое политическое лидерство;
- как следует его понимать;
- каковы его онтологические основания?

Е.В. Кудряшова отмечала, что чаще всего западные авторы, исследовавшие эту тему, подчеркивали межкультурные, семантические, междисциплинарные и концептуальные различия.

Лидерство можно трактовать как всеобщий феномен, но часто бывает довольно трудно найти в различных языках эквивалентные выражения для его определения и сравнения. В качестве примера Е.В. Кудряшова привела следующие факты. В японском языке, например, специального термина для обозначения лидерства нет. Не известен аналог английскому понятию «a leader» и в романских языках. Французское «chef» выражает нечто более автократичное, более иерархическое, некую командную структуру, которая вбирает в себя и понятие «лидер». Понятие «decideur» (тот, кто принимает решения) уже по своему значению связано лишь со сферой принятия решений. Любимое слово французского президента Ш. де Голля «guide» (рулевой) не является общепринятым и чаще употребляется для обозначения экскурсовода (гида). Понятие «dirigeant» используется главным образом в коллективном контексте и обозначает руководителя, который участвует в процессе лидерства наряду с другими. Немецкое «führer» (фюрер, вождь) по известным историческим причинам имеет эмоционально-негативный оттенок и также не является эквивалентом английскому понятию.

Обращаясь к русскому языку, Е.В. Кудряшова упоминала заимствованное из старославянского понятие «вождь». Этимологически оно означает предводитель войска или племени. Другое его значение, носящее политический оттенок (общепризнанный идейный руководитель партии, класса или общественного движения), как указывала Кудряшова, появилось лишь в XX в.

По мнению Е.В. Кудряшовой, весомый вклад в разработку теории лидерства внесли прежде всего американские исследователи. К середине 1990-х гг. в западной исследовательской литературе насчитывалось уже около 300 различных определений лидерства. Тщательный анализ этой литературы, результаты которого изложены в упомянутом диссертационном исследовании Кудряшовой, позволил

ей выделить 14 групп определений качеств лидерства:

- 1) центр групповых процессов;
- 2) проявление личностных черт;
- 3) искусство достижения согласия;
- 4) действие и поведение;
- 5) инструмент достижения цели или результата;
- 6) взаимодействие;
- 7) умение убеждать;
- 8) осуществление влияния;
- 9) властные отношения;
- 10) результат дифференциации ролей;
- 11) проявление эмоциональной зрелости;
- 12) инициация или введение структуры;
- 13) видение перспективы;
- 14) следование особым ценностям.

Выделенные определения, как подчеркнул Е.В. Кудряшова, акцентируют внимание на различных аспектах лидерства. Вводя те или иные определения, западные авторы преследовали различные цели: определение объекта наблюдения для эмпирических исследований в малых группах; определение формы практики; обеспечение теоретического развития данной проблемы и т.д. Некоторые из них старались четко сформулировать тот особый компонент, который вносит сам лидер. Каждое из этих определений приоткрывает какую-либо одну грань природы лидерства.

Хронологически появление этих определений, считала Кудряшова, совпадает с развитием тех или иных теорий лидерства. Так, в период, когда изучалась личность лидера, использовались его определения как центра групповых процессов и как проявления личностных черт. На этапе изучения поведенческого аспекта лидерства многие авторы определяли его как искусство достижения согласия, целей и решения задач или как действие и поведение. На следующем этапе, связанном с развитием теорий, изучающих контекст лидерства, наиболее популярными были определения лидерства как взаимодействия, умения убеждать, как инициирование структуры или как результат дифференциации ролей. В связи с развитием в последней четверти XX в. ценностных теорий лидерства наиболее часто стали использоваться его оп-

ределения как проявления эмоциональной зрелости, видение перспективы, следование особым ценностям. Все упомянутые определения, заключала Е.В. Кудряшова, применяются параллельно, что она расценивала как свидетельство одновременного развития различных исследовательских направлений.

Особое положение в этой классификации занимает определение лидерства как формы властных отношений. Оно используется прежде всего исследователями политического лидерства. Е.В. Кудряшова особо отметила, что власти «вообще», власти «как таковой» для этих теоретиков не существует, а общим для нее является следующее специфическое качество: власть никогда не является самоцелью, но всегда выступает как средство (как и любая форма принуждения). Функционирование любой формы власти и любого ее проявления определяется не волей лидера или вождя, а объективными условиями или противоречиями, если таковые имеются в обществе.

Заслуживает внимания наблюдение Н.И. Бирюкова, по словам которого, история изучения политического лидерства является пример «удивительного разнообразия подходов, концептуальных моделей и парадигм». Первыми, как указывал Бирюков, с призывом изучать данный феномен выступили американские социологи Дж. Шэннон и Л. Селигмен еще в конце 1940-х гг. Однако и спустя полвека после начала широкомасштабного исследования проблемы, среди зарубежных специалистов так и не было достигнуто согласия «по вопросу исходного определения политического лидерства».

Н.И. Бирюков обнаружил здесь самые разнообразные подходы.

Некоторые исследователи понимали под лидерством влияние. При этом порой делалась оговорка, касавшаяся степени, величины или характера подобного влияния. Например, Д. Катц называл его большим, а Д. Мак-Фарланд – необычным.

Их коллеги, указывал Бирюков, были склонны рассматривать политическое лидерство как управление, координацию или контроль (Дж. Даунтон, Л. Эдингер и Л. Стогдилл).

Но были среди западных ученых и такие, кто трактовал названный феномен как при-

нятие решений. Часть из них, по мнению Бирюкова, были «согласны признавать лидерами только новаторов», тех, кто «ведёт вперёд». Управляющих по старинке или принимающих пусть и оправданные, но неоригинальные решения, сторонники данной точки зрения предлагали именовать как-то иначе.

Наконец, среди зарубежных исследователей нашлись и такие, кто, «наскучив подобными абстракциями», относился скептически к попыткам социологов и политологов вывести некую общую «формулу» политического лидерства. Они предприняли попытку в глубинах подсознания и детских переживаниях найти ключ к решению проблемы политического лидерства.

Подводя итоги краткому анализу публикаций западных авторов (преимущественно, американских) по вопросу об определении собственно понятия «политическое лидерство», вышедших в свет в конце 1940-х – конце 1980-х гг., Бирюков отметил следующее. В их работах не делалось различия между концептуальными определениями, которые претендовали на выявление и характеристику сущности определяемого феномена, и операциональными определениями, предназначенными для идентификации объектов и их последующего анализа. Концептуальные определения призваны ответить на вопрос, что такое лидерство, а операциональные – кто является лидером. В последнем случае, заключал Н.И. Бирюков, пригоден любой (даже второстепенный или третьестепенный) признак: главное, чтобы он «был достаточно характерным».

С.В. Нестерова также выделила большое количество определений политического лидерства в западной социально-политической и философской науке, где возник целый ряд направлений и школ, разрабатывавших различные аспекты данной проблематики.

В рамках институциональной школы, поясняла Нестерова, лидерство определяется как процесс управления обществом. Что касается функциональной школы, то ее приверженцы стремились раскрыть какую-либо главную функцию, например, влияние на принимаемые решения или фактор власти.

Наконец, в рамках, культурологической школы велись исследования политического лидерства, учитывавшие, прежде всего, уровень политической культуры общества и его менталитет.

Критикуя тех американских ученых, которые как главные качества политика рассматривали честность и умение убеждать, Нестерова отметила, что упомянутые черты, приписываемые лидерам, не остаются постоянными, равно как и требования, к ним предъявляемые. Они меняются в зависимости от ситуации. В стабильной политической системе, по ее мнению, компетентность и профессионализм являются и будут являться безусловными требованиями в отношении политических лидеров. В ситуации установления новых ценностей компетентность часто ассоциируется с близостью к прошлому режиму и может восприниматься негативно.

Исходя из анализа имеющейся исследовательской литературы, С.В. Нестерова предложила собственное определение понятия «лидер». По ее мнению, лидер – «это тот, кого массовое сознание считает таковым, основываясь на своих ценностях, установках и т.п.». Вслед за западными учеными, специализировавшимися на изучении политического лидерства, Нестерова предлагала рассматривать его как процесс социальный. Она относилась к лидерам людей, которые имеют последователей, воспринимающих того или иного политика, реагируют на его действия и в конечном счете принимают либо отвергают лидера и формируют общественный запрос на определенный тип лидерства.

На основе анализа зарубежной научной литературы по проблемам политического лидерства О.Н. Гундарь обозначила пять основных подходов к определению данного феномена:

- 1) способ влияния на других людей;
- 2) управленческий статус, социальная позиция, связанная с принятием важных решений;
- 3) символическая общность и образец политического поведения группы, способность реализовать ее интересы с помощью власти;
- 4) особого рода предпринимательство, осуществляемое на политическом рынке, при котором предприниматели обмениваются

своими программами, способами решения общественных задач и предлагаемыми вариантами их реализации;

5) феномен власти, способность одного или нескольких лиц, находящихся «на вершине», заставлять других делать то позитивное или негативное, что они не делали бы в конкретном случае или не делали бы вообще.

В работах российских авторов можно обнаружить интересные наблюдения относительно определений понятий «политическое лидерство» и «вождизм». Так, Н.П. Пищулин и С.С. Сокол выявили, что подобно всякому социальному явлению политическое лидерство имеет конкретно-исторический характер. Тип общественных отношений в конечном счете определяет степень связанности субъекта и объекта, а следовательно, – характер социального взаимодействия. При этом в авторитарных системах, к которым названные авторы относили советский режим, диктат вождя, безропотное подчинение ему чужой воли, отчуждает обе стороны друг от друга. В подобных условиях исключается сама возможность проявления объектно-субъектных лидерских отношений. Политический диктат ведет к перерождению лидера в диктатора, ведомых – в бездушных исполнителей, и в конечном счете – к разложению и разрушению самой лидерской системы.

П.Н. Пищулин и С.С. Сокол пришли к следующему знаменательному выводу: «Насильственный властный, правовой, психологический и прочий диктат, равно как и его противоположность – совмещение лидеров и ведомых по отношению к власти (т.е. субъектно-объектные политические отношения), выходят за нижний и верхний пределы лидерских отношений, представляют собой самостоятельные явления, особый вид постлидерской взаимосвязи или отсутствия таковой – диктаторский авторитарный режим власти». В авторитарных системах, которым присущи преимущественно отчужденные субъектно-объектные отношения, заключали названные авторы, нет достаточных оснований для широкого проявления отношений лидерства.

По мнению А.В. Крамаренко, термин «вождизм» возник как порождение так называемых «революционных бурь» начала XX в.

Понятие «лидерство», имеющее латинские корни, вошло в обиход с возникновением и развитием политических партий. В современном понимании термин «лидер» обозначает центральную фигуру в конкретной группе лиц, независимо от количества ее членов и общественной значимости.

А.В. Крамаренко предлагает рассматривать термин «лидерство» в широком смысле. В данном контексте, писал он, под политическим лидером можно понимать лицо, действующее в системе власти, имеющее высокий авторитет среди влиятельных организаций и личностей. Политическое лидерство, предполагает наличие такого явления, как периодическая сменяемость лидеров. Это зависит не только и не столько от личных качеств самого лидера, сколько от складывавшихся обстоятельств, политической конъюнктуры или внутренней борьбы групп, кланов, фракций внутри партии или движения.

По мнению А.В. Крамаренко, понятия «лидер» и «вождь» не идентичны. В то время как лидеров в мировой политике может быть много, современных вождей можно пересчитать по пальцам. К их числу он относит, среди прочих, Гитлера, Муссолини, Ленина и Сталина.

Вождизм – в отличие от лидерства – явление всеобъемлющее: вождю подчинено все, начиная от идеологии и кончая экономикой и социальной сферой. Более того, само общество отождествляется с государством и рассматривается в жестких рамках идеологической доктрины как средство реализации какой-либо конкретной идеи, символом которой и служит фигура вождя. В этом процессе Крамаренко видит наличие мистического начала, когда огромные массы людей свою волю, дело и собственную жизнь подчиняют кумиру.

Подводя итоги дискуссии об определении термина «политическое лидерство», Т.А. Штукина еще в 1994 г. отмечала, имея в виду исследования западных ученых: «Произошло расширение этого понятия: оно включает в себя руководство, командование, возглавление, ведение за собой, управление, исполнение главной роли, влияние, превосходство». Данный вывод, как представляется, все еще остается актуальным.

Более того, помимо расширительного толкования самого понятия «политическое лидерство», как отмечалось выше, в разных языках наблюдается неэквивалентность терминологии, связанной с этим феноменом. Наконец, универсальная дефиниция, введенная в оборот в демократическом обществе, как оказалось, «не срабатывает» при искусственном перенесении ее в условия тоталитарных режимов. Для последних более подходящим считается определение «вождизм».

В результате и в начале третьего тысячелетия ученым – социологам и философам – пока не удалось достигнуть консенсуса в признании адекватной дефиниции для такого широко распространенного явления, как политическое лидерство.

В социологии и политике проблема лидерства перемещается из области малых групп и организаций в сферу социального и политического управления и администрирования, т.е. объем лидерства значительно расширяется и приобретает новые черты.

С середины прошлого столетия практически во всех государствах произошли серьезные социально-экономические преобразования, повлиявшие на изменение роли политических лидеров – глав исполнительной власти.

В демократических обществах исполнительная власть становится не столько орудием правительства, сколько организующим центром политической системы как таковой. Так, парламентское правление во Франции превратилось в правление Шарля де Голля («принцип исполнительной власти Ш. де Голля»). Политика Западной Германии стабилизировалась благодаря искусному «балансированию» Конрада Аденауэра. Британская политика, по мнению некоторых исследователей, также подверглась изменениям, в частности кабинет министров трансформировался в правительство премьер-министра. В США президент и президентский корпус стали теми силами, которые в действительности «делают» политику.

В странах, где после Второй мировой войны демократические формы правления еще только зарождались, широкая политическая власть, по определению Л. Селигмана, принадлежала «драматическим лидерам», которые

осуществляли ее с помощью призывов и воззваний к народу. Все политические процессы в этих странах проходили на фоне массовой преданности и лояльности по отношению к лидеру. Персонифицируя собою новые национальные ценности и стимулируя социально-экономическое развитие, лидеры исполнительной власти мобилизовали энергию своих обществ.

Многие социологи и политологи в 50–60-е гг. прошлого столетия особенно подчеркивали тот факт, что сильное политическое лидерство на государственном уровне явилось результатом решения парадоксальной проблемы, а именно: чрезмерной политической власти в одних странах и ее недостаточности в других. Так, идеологи авторитарных движений и режимов предлагали использовать сильное лидерство как заменитель ослабленного влияния на общество в целом со стороны атрофированных традиционных «первичных групп» (община, церковь, семья и т.д.). Крах влияния традиционных групп, утверждали они, оставил общество открытым для конфликтов, которые могут быть устранены или, по крайней мере, нейтрализованы лишь сильными политическими лидерами. Такой взгляд был характерен как для идеологов коммунистических и фашистских движений в постиндустриальных странах Запада, так и для идеологов национальных движений в развивающихся странах.

Сторонники же демократических теорий провозглашали необходимость введения в послевоенных обществах сильного эффективно-го лидерства для консолидации различных общественных сил, поиска консенсуса в решении социально-экономических и политических проблем, согласия между конкурирующими интересами различных социальных слоев и активизации национальных действий. Эта интегративная функция лидерства осуществлялась политиками двух типов. Первый – «национальный герой», т.е. глава исполнительной власти, персонифицирующий собой и представляющий «общую волю» или «высшие интересы» нации. Символами этого типа являлись де Голль и лидеры возникших после Второй мировой войны национальных

государств. Подобно законодателю Руссо эти популистские типы – выше рациональных или каких-либо определенных интересов. Другой тип лидера – «посредник» или «объединитель». Таковым был, например, Франклин Д. Рузвельт, который умело управлял интересами различных политических сил и был мастером создания коалиций для конструктивного решения различных социальных и политических проблем. Эти две роли не являются взаимоисключающими. Каждая из них уместна в определенное время, в определенной политической системе. Так, лидер – выразитель «общей воли» – может эффективно осуществлять свою власть там, где национальное согласие весьма проблематично. Лидер-«посредник» приходит к власти, когда существует всеобщее согласие (консенсус), нет поляризации общества и угрозы бескомпромиссных конфликтов, когда возникающие социальные проблемы можно уладить путем диалога, переговоров. В некоторых случаях лидеры могут исполнять обе роли.

Л. Селигман выделяет следующие особенности лидерства в национальном масштабе (эти особенности создают определенные трудности при исследовании данного типа лидерства): во-первых, – это опосредованное лидерство или лидерство «на расстоянии»; во-вторых, оно всегда многоролевое; в-третьих, оно корпоративное; в-четвертых, функционирует в институциональных рамках.

Если лидерство – это отношения взаимодействия, тогда взаимоотношения между главой исполнительной власти и его официальными сторонниками имеют уникальный характер, будучи лидерством «на расстоянии», когда ни лидер, ни последователь не имеют прямого воздействия друг на друга. Связующим звеном этих взаимоотношений являются средства массовой коммуникации, организованные группы (например, партии) и отдельные люди. Лидер связывается со своими сторонниками через посредников, т.е. людей, выполняющих различные роли и функции на разных уровнях политической системы. Таким образом, взаимоотношения между последователями и лидером характеризуются некоторой удаленностью и опосредованностью.

Поведение исполнительной власти характеризуется многоаспектностью или многоролевым руководством, удовлетворяющим ожидания различных групп последователей: непосредственного окружения исполнительной власти, политических партий и ассоциаций, разных групп чиновников и, наконец, массы избирателей или общества в целом. Одной из главных задач политического лидера является умелое балансирование между этими разными, часто противоречащими друг другу, интересами и ожиданиями. Лидер применяет различные технические приемы: определяет приоритет различных ценностей и соответствующих им ролей; разделяет несовместимые роли и ценности; делегирует одни и резервирует другие. Так формируется стиль (или модель ролевого управления) лидера. Современное политическое лидерство – это организующий процесс. За понятиями «президентство» или «кабинет министров» скрываются сложная структура и деятельность многих людей. В таком контексте лидерство может, конечно, рассматриваться как атрибут личности, но в действительности оно есть результат коллективных организационных действий. В этом состоит коренное отличие политического лидера от лидера как главного звена взаимоотношений «лидер–группа» в ситуациях малых групп или организаций.

Лидерство – это отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в обществе.

Лидерство – не новый стиль руководства, а способ организации власти в гражданском обществе с развитым политическим сознанием всех или большинства его социальных слоев. Такое общество возникло сравнительно недавно либо еще только складывается и пока не везде. Но это – перспектива и необходимость истории и политики. Члены гражданского общества – мыслящие участники политической жизни – имеют возможность сознательно выбирать себе лидера. Поведение же лидера должно убеждать их в том, что его действия правильны и выгодны, а не продиктованы своекорыстием или властолюбием. Общество со своей стороны не

может манипулировать лидером. Социальное и политическое партнерство, взаимопонимание лидера и его приверженцев – основа новой современной политики.

Итак, лидерство – одно из проявлений власти, отличительное свойство политической деятельности, право выдвигать руководителя, который ее осуществляет. Это явление присуще и другим видам деятельности – производству вещей и идей, науке, спорту и т. д.

Обязательное условие лидерства – обладание властью в конкретных формальных или неформальных организациях самых разных уровней и масштабов: от государства и даже группы государств – до правительственных учреждений, местного самоуправления или народных и общественных групп и движений. Формализованная власть лидера закрепляется законом. Но во всех случаях лидер имеет социальную, психологическую и эмоциональную опоры в обществе или в коллективах людей, которые за ним следуют.

Лидерство – это отношения учителя и ученика. Лидер передает своему окружению знания, моральные ценности. Личные достоинства

лидера – образец для подражания, предмет уважения. Поэтому нравственный облик лидера привлекает внимание и играет немалую роль в его успехах или неудачах. В информационном обществе все труднее скрыть дефекты личности лидера, но и легче показать его достоинства.

Никакие нравственные, интеллектуальные, духовные добродетели сами по себе не превращают политического деятеля в лидера: их достаточно разве что для святого. Но святость для политика не обязательна и слишком необычна.

Современный политический лидер должен обладать и незаурядными организаторскими способностями. Выработка организаторских, управленческих качеств лидера – это уже проблема формирования его собственного уровня образования и воспитания. Умение сформировать группу, сплотить ее, определить цели, поставить их перед обществом (или учреждением, властью) – это современные требования к политическому лидеру со стороны общества, формулировка спланирующей общество программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амелин, В.* Социология политики / В. Амелин. – М., 1992.
2. *Асеев, В.Г.* Мотивация поведения и формирование личности / В.Г. Асеев. – М., 1976.
3. *Бирюков, Н.И.* Политическое лидерство: Определения и классификации / Н.И. Бирюков // Концептуализация политики. – М., 2001. (Новая перспектива. Вып. XXI). – С. 11–31.
4. *Викторова, Л.Г.* Роль коммуникативных качеств руководителя в его профессиональной деятельности и условия их формирования в вузе / Л.Г. Викторова, И.В. Дыгина // Парадигма : ежекварт. журн. – 1998. – № 1.
5. *Виханский, О.С.* Менеджмент / О.С. Виханский. – М., 2001. – 529 с.
6. *Гундарь, О.Н.* Политическое лидерство: социально-философские проблемы / О.Н. Гундарь. – Ставрополь, 2001
7. *Гоулман, Дэниел.* Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Дэниел Гоулман, Ричард Бояцис, Энни Макки. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
8. *Крамаренко, А.В.* Проблемы лидерства и вождизма в современной политологии / А.В. Крамаренко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2002. – №3(12).
9. *Кудряшова, Е.В.* Лидерство как предмет социально-философского анализа: дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1996. – С.7.
10. *Нестерова, С.В.* Политико-психологический анализ восприятия российских политических лидеров (1996–1999): автореферат. дис. канд. полит. наук. – М., 2001.
11. *Пищулин, Н.П.* Политическое лидерство / Н.П. Пищулин, С.С. Сокол. – М., 1992. – Ч.1: Теоретические и методологические основы исследования.

12. Психология. Словарь.
13. *Шиллер, Г.* Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М., 1980.
14. Школа молодого лидера / Официальный сайт: [www.shml.ru]
15. *Штукина, Т.А.* Феномен политического лидерства / Т.А. Штукина // Вестник МГУ. – Серия 12. – 1994. – №4.

РЕЗЮМЕ

Рассматриваются вопросы, связанные с проблематикой политического лидерства и его развитием в условиях современной системы воспитания и образования. Отмечается, что в современном российском обществе возрос интерес к выявлению значимости лидерских факторов в обосновании проблем личности. В этом свете вполне естественным и не подвергающимся критике является утверждение, что воспитание и образование имеют непосредственное значение для становления лидерских черт личности, проявления и закрепления определенного стиля поведения индивидуума, его основных характеристик. Анализируется взаимодействие политического лидера с системами воспитания и образования.